

**АННА
ДАНИЛОВА**

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ

ОТ СМЕРТИ К ЖИЗНИ

КАК ПРЕДОЛЕТЬ
СТРАХ СМЕРТИ

PRAVMIR.RU
ДАРЬ

От смерти к жизни. Как преодолеть страх смерти

ТД "Белый город"

2015

УДК 82-822
ББК 94

От смерти к жизни. Как преодолеть страх смерти / ТД "Белый город", 2015

Книга «От смерти к жизни» — уникальная. Она рассказывает об уходе из земной жизни с христианской точки зрения и формулирует самый страшный человеческий вопрос мудро и спокойно: не «почему» мы умираем, а «для чего»? Авторы — священники и богословы, работники хосписа и волонтеры — делятся своими размышлениями о жизни и смерти, личными воспоминаниями и переживаниями. Книга, основанная на материалах интернет-портала «Православие и мир», — очень светлая и щемяще нежная.

УДК 82-822
ББК 94

, 2015
© ТД "Белый город", 2015

Содержание

Священник Георгий Чистяков	6
Нисхождение во ад. Почему Бог попускает страдание и смерть?	7
Священник Николай Солодов	11
Соната о смерти	11
Интродукция	11
Тема. Бог умер	11
Вариация. Человек без смерти?	12
Вариация. Нет воскресения без смерти	12
Кода. Бегство от смерти	13
Протоиерей Алексей Уминский	15
Как понять смерть?	15
Встреча со смертью	15
Советская смерть	16
Что такое «память смертная»?	16
Имитация жизни	17
Человек боится смерти...	18
Как говорить с теми, кто потерял близкого?	19
Как жить в мире, если есть смерть?	21
Отсутствие пустоты	22
Вопросы к Богу	23
Царство необделенных	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Данилова

От смерти к жизни. Как преодолеть страх смерти

Посвящается светлой памяти

Анатолия Данилова,

основателя портала «Православие и мир»

Допущено к публикации Издательским Советом Русской Православной
Церкви

№ ИС Р14-418-1603

© Данилова А.А., автор-составитель, 2015

© PRAVMIR.RU, интернет-портал «Православие и мир», 2015

© Издательство «ДАРЪ», оформление, 2015

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, текст митр. Антония
Сурожского

Священник Георгий Чистяков

(4 августа 1953 – 22 июня 2007) – филолог, историк, богослов. Священник храма свв. Космы и Дамиана в Москве и настоятель храма Покрова Богородицы в Детской республиканской клинической больнице, член правления Российского библейского общества и Международной ассоциации по изучению отцов Церкви, ректор Общедоступного православного университета, основанного протоиереем А. Менем, заведующий кафедрой истории культуры МФТИ. Читал в МФТИ лекции по истории христианства и истории богословской мысли.

Нисхождение во ад. Почему Бог попускает страдание и смерть?

За последний месяц я похоронил шесть детей из больницы, где каждую субботу служу литургию. Пять мальчиков: Женю, Антона, Сашу, Алешу и Игоря. И одну девочку – Женю Жмырко, семнадцатилетнюю красавицу, от которой осталась в иконостасе больничного храма икона святого великомученика Пантелеймона. Умерла она от лейкоза. Умирала долго и мучительно, не помогало ничто. И этот месяц не какой-то особенный. Пять детских гробов в месяц – это статистика. Неумолимая и убийственная, но статистика. И в каждом гробу родной, горячо любимый, чистый, светлый, чудесный. Максимка, Ксюша, Настя, Наташа, Сережа...

За последний день я навестил трех больных: Клару (Марию), Андрюшу и Валентину. Все трое погибают – тяжело и мучительно. Клара уже почти бабушка, крестилась недавно, но можно подумать, что всю жизнь прожила в Церкви – так светла, мудра и прозрачна. Андрюше – 25 лет, а сыну его всего лишь год. За него молятся десятки, даже, наверное, сотни людей, достают лекарства, возят на машине в больницу и домой, собирают деньги на лечение – а метастазы повсюду. И этот день не какой-то особенный, так каждый день.

Прошло полдня. Умерла Клара. Умерла Валентина. В Чечне погибло шесть российских солдат – а сколько чеченцев, не сообщают... Умерла Катя (из отделения онкологии) – девочка с огромными голубыми глазами. Об этом мне сказали прямо во время службы.

Легко верить в Бога, когда идешь летом через поле. Сияет солнце, и цветы благоухают, и воздух дрожит, напоенный их ароматом. «И в небесах я вижу Бога» – как у Лермонтова. А тут? Бог? Где он? Если Он благ, всеведущ и всемогущ, то почему молчит? Если же Он так наказывает их за их грехи или за грехи их пап и мам, как считают многие, то Он уж никак не «долготерпелив и многомилостив», тогда Он безжалостен.

Бог попускает зло для нашей же пользы либо когда учит нас, либо когда хочет, чтобы с нами не случилось чего-либо еще худшего – так учили еще со времен средневековья и Византии богословы прошлого, и мы так утверждаем следом за ними. Мертвые дети – школа Бога? Или попускание меньшего зла, чтобы избежать большего?

Если Бог все это устроил хотя бы для нашего вразумления, то это не Бог, это злой демон, зачем ему поклоняться, его надо просто изгнать из жизни. Если Богу, для того чтобы мы образумились, надо было умертвить Антошу, Сашу, Женю, Алешу, Катю и т. д., я не хочу верить в такого Бога. Напоминаю, что слово «верить» не значит «признавать, что Он есть», «верить» – это «доверять, вверяться, вверять или отдавать себя». Тогда выходит, что были правы те, кто в 30-е годы разрушал храмы и жег на кострах иконы, те, кто храмы превращал в дворцы культуры. Грустно. Хуже, чем грустно. Страшно.

Может быть, не думать об этом, а просто утешать? Давать тем, кому совсем плохо, этот «опиум для народа», и им все-таки хотя бы не так, но будет легче. Утешать, успокаивать, жалеть. Но опиум не лечит, а лишь на время усыпляет, снимает боль на три или четыре часа, а потом его нужно давать снова и снова. И вообще страшно говорить неправду – особенно о Боге. Не могу.

Господи, что же делать? Я смотрю на Твой крест и вижу, как мучительно Ты на нем умираешь. Смотрю на Твои язвы и вижу Тебя мертва, нага, непогребенна... Ты в этом мире поделил с нами нашу боль. Ты как один из нас восклицаешь, умирая на Своем Кресте: «Боже, Боже Мой, почему Ты Меня оставил?» Ты как один из нас, как Женя, как Антон, как Алеша, как, в конце концов, каждый из нас, задал Богу страшный этот вопрос и «испустил дух».

Если апостолы утверждают, что Иисус умер на Кресте за наши грехи и искупил их Своею Кровию, то мы выкуплены (см. 1 Кор. 6, 20; а также 1 Петр. 1, 18–19), значит, мы страдаем не за что-то, не за грехи – свои, родительские, чьи-то. За них уже пострадал Христос – так учат

апостолы, и на этом зиждется основа всего их богословия. Тогда выходит, что неизвестно, за что страдаем мы.

Тем временем Христос, искупивший нас от клятвы законная честною Своею Кровию, идет по земле не как победитель, а именно как побежденный. Он будет схвачен, распят и умрет мучительной смертью со словами: «Боже, Боже Мой, почему Ты Меня оставил?». Его бросят все, даже ближайšie ученики. Его свидетелей тоже будут хватать и убивать, сажать в тюрьмы и лагеря. Со времен апостолов и вплоть до Дитриха Бонхоффера, матери Марии и Максимилиана Кольбе, вплоть до тысяч мучеников советского ГУЛАГа.

Зачем все это? Не знаю. Но знаю, что Христос соединяется с нами в беде, в боли, в богооставленности – у гроба умершего ребенка я чувствую его присутствие. Христос входит в нашу жизнь, что бы соединить нас перед лицом боли и беды в одно целое, собрать нас вместе, чтобы мы не остались в момент беды один на один с этой бедой, как некогда остался Он.

Соединяя нас в единое целое перед лицом беды, Он делает то, что никто другой сделать не в силах. Так рождается Церковь.

Что мы знаем о Боге? Лишь то, что явил нам Христос (см. Ин. 1,18). А Он явил нам, кроме всего прочего, и Свою оставленность Богом и людьми – именно в этой оставленности Он более всего соединяется с нами.

Грекам, а вслед за ними и римлянам всегда хотелось все знать. На этом основана вся античная цивилизация. Именно на этой неумной, бурлящей и неутомимой жажде знания. И о Боге, когда они стали христианами, им тоже захотелось знать – может Он все или нет. Отсюда слово «Всемогущий», или Omnipotens, один из эпитетов Юпитера в римской поэзии, которым очень любит пользоваться в своей «Энеиде» Вергилий. А Бог «неизречен, недоведом, невидим, непостижим» (это мы знаем не из богословия, нередко попадавшего под влияние античной философии, а из молитвенного опыта Церкви, из опыта Евхаристии – не случайно же каждый священник непременно повторяет эти слова во время каждой литургии), поэтому мы просто не в состоянии на вопрос «Может ли Бог все?» – ответить ни «да», ни «нет». Поэтому, кто виноват в боли, я не знаю, но знаю, кто страдает вместе с нами – Иисус.

Как же понять тогда творящееся в мире зло? Да не надо его понимать – с ним надо бороться. Побеждать зло добром, как зовет нас апостол Павел: больных лечить, нищих одевать и кормить, войну останавливать и т. д. Неустанно. А если не получается, если сил не хватает, тогда склоняться перед Твоим крестом, тогда хвататься за его подножие как за единственную надежду.

«Бога не видел никто никогда». И только одна нить соединяет нас с Ним – человек по имени Иисус, в Котором вся полнота Божия пребывает телесно. И только одна нить соединяет нас с Иисусом – имя этой нити любовь.

Он умер на Кресте как преступник. Мучительно. Туринская плащаница со страшными следами кровоподтеков, со следами от язв, по которым современные патологоанатомы в деталях восстанавливают клиническую картину последних часов жизни Иисуса, – вот действительно подлинная святыня для XX века. Весь ужас смерти, никем и никак не прикрытый! Посмотрев на картину Гольбейна «Мертвый Христос», герой Достоевского воскликнул, что от такой картины можно веру потерять. А что бы он сказал, если бы увидел Туринскую плащаницу, или гитлеровские концлагеря, или сталинщину, или просто морг в детской больнице в 1995 году?

Что было дальше? В начале 20-й главы Евангелия от Иоанна мы видим Марию Магдалину, потом апостолов Петра и Иоанна и чувствуем пронзительную боль, которой пронизано все в весеннее утро Пасхи. Боль, тоску, отчаяние, усталость и снова боль. Но эту же пронзительную боль, эту же пронзительную безнадежность, о которых так ярко рассказывает Евангелие от Иоанна, я ощущаю всякий раз у гроба ребенка... Ощущаю и с болью, сквозь слезы и отчаяние, верю – Ты воистину воскрес, мой Господь.

Пока писался этот очерк, умерла Клара, затем Валентина Ивановна, последним умер Андрияша – еще три гроба. Один мальчик признался мне на днях, что не верит в загробную жизнь и поэтому боится, что он плохой христианин. Я возразил ему на это, что трудности с восприятием того, что касается жизни за гробом, свидетельствуют как раз об обратном – о честности его веры.

И вот почему. Один, причем не очень молодой, священник как-то сказал мне, что ему очень трудно судить о смерти и учить своих прихожан не бояться ее, поскольку он сам никого из людей по-настоящему близких никогда не терял. Честно. Очень честно. И очень верно. Мне всегда страшно смотреть на вчерашнего семинариста, который важно и мягко, но чуть-чуть свысока втолковывает матери, потерявшей ребенка, что на самом деле это хорошо, что Бог так благословил, и поэтому слишком уж убиваться не надо.

«Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы», – да, об этом говорит нам Христос в Своем Евангелии (Лк. 20,38). Но для того, чтобы эта весть вошла в сердце, каждому из нас необходим личный опыт бед, горя и потерь, опыт, ввергающий нас в бездну настоящего отчаяния, тоски и слез, нужны не дни или недели, а годы пронзительной боли. Эта весть входит в наше сердце – только без наркоза и только через собственные потери. Как школьный урок ее не усвоишь. Смее утверждать: тот, кто думает, что верит, не пережив этого опыта боли, ошибается. Это еще не вера, это прикосновение к вере других, кому бы нам хотелось подражать в жизни. И более: тот, кто утверждает, что верит в бессмертие и ссылается при этом на соответствующую страницу катехизиса, вообще верит не в Бога, а в идола, имя которому – его собственный эгоизм.

Вера в то, что у Бога все живы, дается нам, только если мы делаем все возможное для спасения жизни тех, кто нас окружает, только если мы не прикрываемся этой верой в чисто эгоистических целях, чтобы не слишком огорчаться, чтобы сражаться за чью-то жизнь или просто чтобы не было больно.

Но откуда все-таки в мире зло? Почему болеют и умирают дети? Попробую высказать одну догадку. Бог вручил нам мир («Вот я дал вам» – Быт. 1, 29). Мы сами все вместе, испоганив его, виноваты если не во всех, то в очень многих бедах. Если говорить о войне, то наша вина здесь видна всегда, о болезнях – она видна не всегда, но часто (экология, отравленная среда и т. п.). Мир в библейском смысле этого слова, мир, который лежит во зле, т. е. общество или мы все вместе, вот кто виноват.

В наших храмах среди святых икон довольно заметное место занимает «Нисхождение во ад» – Иисус на этой иконе изображен спускающимся куда-то в глубины земли, а вместе с тем и в глубины человеческого горя, отчаяния и безнадежности. В Новом Завете об этом событии вообще не говорится, только в Апостольском символе веры есть об это два слова – *descendit ad inferos* («спустился во ад»), и довольно много в наших церковных песнопениях.

Иисус не только страдает Сам, но и спускается во ад, чтобы там разделить боль других. Он всегда зовет нас с Собою, говоря нам: «По Мне гряди». Часто мы стараемся, действительно, идти вслед за Ним. Но тут...

Тут мы стараемся не видеть чужой боли, зажмуриваем глаза, затыкаем уши. В советское время мы прятали инвалидов в резервациях (как, например, на Валааме), чтобы никто их не видел, как бы жалея психику своих соотечественников. Могги в больницах часто прятали на заднем дворе, чтобы никто никогда не догадался, что здесь иногда умирают. И проч., и проч. Мы и теперь, если считаем себя неверующими, пытаемся играть со смертью в «кошки-мышки», делать вид, будто ее нет, как учил Эпикур, отгораживаться от нее и т. д. Иными словами, чтобы не бояться смерти, используем что-то вроде анальгетика.

Если же мы считаем себя верующими, то поступаем не лучше: говорим, что она не страшна, что на то воля Божия, что не надо горевать по усопшему, потому что тем самым мы ропщем на Бога и проч. Так или иначе, но подобно неверующим также отгораживаемся от

боли, заслоняем себя от нее инстинктивно, словно от удара занесенной над нами руки, то есть тоже используем если не наркотик, то во всяком случае анальгетик.

Это для себя. А для других мы поступаем еще хуже. Человеку, которому больно, пытаемся внушить, что это ему только кажется, причем кажется, ибо он Бога не любит и т. д. и т. п. А в результате человека, которому плохо, тяжело и больно, мы оставляем наедине с его болью, бросаем одного на самом трудном месте жизненной дороги.

А надо бы просто спуститься с ним вместе в ад вслед за Иисусом – почувствовать боль того, кто рядом, во всей ее полноте, неприкрытости и подлинности, разделить ее, пережить ее вместе.

Когда у моей восьмидесятилетней родственницы умерла сестра, с которой они вместе в одной комнате прожили всю жизнь, примерно через год она мне сказала: «Спасибо вам, что вы меня не утешали, а просто все время были рядом». Думаю, что в этом и заключается христианство, чтобы быть рядом, вместе, ибо утешать можно человека, который потерял деньги, или посадил жирное пятно на новый костюм, или сломал ногу. Утешать – это значит показывать, что то, что с кем-то случилось, не такая уж большая беда. К смерти близкого такое утешение отношения не имеет. Здесь оно больше чем безнравственно.

Мы – люди Страстной Субботы. Иисус уже снят с Креста. Он уже, наверное, воскрес, ибо об этом повествует прочитанное во время обедни Евангелие, но никто еще не знает об этом. Ангел еще не сказал: «Его здесь нет. Он воскрес», об этом не знает никто, пока это только чувствуется, и только теми, кто не научился чувствовать...

Впервые опубликовано в газете «Русская мысль», 1995 г.

Священник Николай Солодов

Соната о смерти

Интродукция

Христианство – странная религия. Странная и мрачная. Посудите сами: черные одежды, посты и поклоны, самоистязания и ограничение своей воли, послушание, терпение и смирение – никаких человеческих радостей не остается! Все настолько серьезно, что возникает соблазн объяснить суровость обычаев позднейшими влияниями: католическими, манихейскими, эллинскими, римскими... По этому пути пошли протестанты: мол, засохла первоначальная апостольская чистая радость под чуждыми культурными наслоениями.

Но дело оказывается еще хуже. Не только в крайностях и уклонениях, но и в самом идеале христианской жизни – те же мрачные тона. Мученики и монахи-подвижники – вот два главных образца для последователей Христа – и сегодня, и в глухие средние века. Мучеников, как понятно из самого названия, мучили – детали изощренных пыток (со строганиями и прижиганиями) занимают практически весь объем их жизнеописаний.

Преподобные отцы-отшельники тоже принимали мучения, но не публично, а в уединении пустыни, и не от жестоких правителей, а по доброй воле, в борьбе со своими страстями. Продвинемся еще дальше – дальше от внутреннего опыта Церкви, взглянем на христиан глазами стороннего наблюдателя – и зрелище откроется поистине жуткое. На каждом углу и в каждом храме орудия пыток и убийств выставлены для поклонения и прославления, изображения умирающих и гробницы умерших – это самые почитаемые предметы. Со времен первых христиан литургия, общее собрание за трапезой, совершается на кладбищах, вместо столов – гробы мучеников. До сих пор на престолах православных храмов полагаются останки святых. Так что нет ничего удивительного, что для прямолинейных и честных римлян новый мрачный культ был под большим подозрением.

Странно другое: как может мириться со столь негуманной религией современный постхристианский мир, как может либеральное сознание записывать православие в свои союзники и даже терпеть «православную культуру» в школах?! Вероятно, все дело в традиции: память поколений, опыт дедов и прадедов, что-то родное, светлое, хоть и малопонятное... Чем еще объяснить столь явное недоразумение, когда веру апостолов и мучеников, «жестокое слово» которой выдержит не каждый даже подготовленный слушатель, сводят к общей доброжелательности и добропорядочности?

Тема. Бог умер

Впрочем, разбирая некрофильские привычки христиан, мы еще не дошли до самого главного: смерть находится в самом центре православного вероучения. «Бог умер!» – Нет, не угадали, это придумал не Ницше. Апостол Павел проповедовал о смерти Бога за восемнадцать веков до эксцентричного немца. Бог пострадал и умер за нас. И воскрес. И тот, кто умирает вместе с Ним, с Ним и воскреснет. Как объяснить это противоречие и как понять? Христианство, религия жизни и света, оказывается религией смерти и тьмы. Умирание оказывается сокрытым в самой сердцевине мироздания, так что для спасения человека была необходима смерть Бога.

Попытки рационального объяснения здесь явно безнадежны. Предмет рассуждений выше нашего понимания и наших слов хотя бы потому, что понять смерть – значит понять себя, увидеть точку, с которой мы смотрим на мир, посмотреть на себя извне, – а это невозможно. Все, что нам остается, – гадать по неясным отражениям тусклых зеркал, что мы и чем мы будем.

Вариация. Человек без смерти?

Бог умер. Зачем было необходимо вочеловечившемуся Логосу умирать?

Человек существенно связан со смертью. «Смертное, разумное животное, способное к мысли и наукам», – гласит общепринятое античное определение человека. Кончина земной жизни для человеческого существа – это не просто конец, как, например, кончается варенье в банке или как заканчивается дождь – кончился, и больше нет. Это и не выход из строя машины, для которой поломка – чисто отрицательное событие.

Смерть человека – это совершение всего земного пути, она венчает то здание, которое строилось всю жизнь. В этом смысле без смерти и смертности человек был бы не вполне человеком. В этом основное противоречие. С одной стороны, человек смертен: созданные из праха в прах и возвращаются. С другой стороны, человек создан для вечности, для блаженной жизни, а не для случайной смерти и уничтожения. Это противоречие стояло перед человечеством всегда. Можно даже сказать, что именно оно и попытки его преодоления составляют основание всех религиозных философий. Вариантов решений было предложено много: и переселение душ у индусов, и автономия души у платоников, и всеобщее всечеловеческое восстановление у Оригена. Такое разнообразие только сильнее подчеркивает непосильность задачи для человеческого разума.

Тем ярче выступает победа Христа. Истина не обращает внимания на логические противоречия незрячих мудрецов, потому что тот, кто ходит при свете, не спотыкается, и тот, кто видит истину, идет к ней прямо, не думая о том, что кому-то его действия кажутся нелогичными. Христиане смело приняли противоречие в полном объеме: человек смертен, но он не умирает. Решение не в том, чтобы найти компромисс между жизнью и умиранием, объяснить, что бывает с человеком после земной жизни, и предложить практическое руководство, как минимизировать потери при переходе в мир иной, а быть может, и вовсе избавиться от смерти.

Нет. Не избежать смерти, но принять ее и победить. Объяснить образ спасения нельзя, как нельзя выразить словами тайну распятия и воскресения Христова. Решение столь парадоксально и сверхрационально, что хочется верить, – потому что абсурдно.

Бог стал человеком, принял смерть и победил, и она уже не властна над теми, кто с Ним, они принимают смерть и побеждают ее силою Христовой. Так мы вернулись к исходному пункту размышлений. Мы снова стоим перед тайной Великой Субботы – Бог умер. Свет этой радостной печали не увидеть извне. Разве только отблески на лицах тех, кто причастен тайне. Тех, кто попирает смерть, зная, что она не конец, что земные радости и льстивые посулы мучителей не стоят того, чтобы предать свою веру. Мученики свидетельствуют перед миром, что насилие палачей бессильно. Преподобные отцы убеждают нас, что и умирание в спокойствии мирной жизни не может отлучить от любви Божией.

Вариация. Нет воскресения без смерти

Отправляясь от все той же центральной точки, попробуем пойти по другой дорожке. Воскресение невозможно без смерти. Если семя не умрет, то и жизни не будет. И в этом есть какой-то фундаментальный закон, некая неуловимая реальность: путь к жизни лежит через смерть.

Христос принял на Себя нашу смерть, потому что Он был полностью человеком, настоящим, без подделки. Не пройдя через смерть, нельзя было и спасти людей. Не потому, что Бог не всемогущ, и не потому, что есть законы выше Бога (как в «Хрониках Нарнии», где некая «древняя магия» воскрешает льва), просто таков образ существования человека, что смерть в нем существенная, а отнюдь не случайная деталь.

Но Христос – и Бог тоже полностью, вторая ипостась Троицы. Поэтому Его смертью смерть была поправлена для всех людей. И уже не страшна, если только живут для Умершего за них. Потому-то и нет ничего важнее в Церкви, чем смерть Христова и Его воскресение, потому и пронизана вся церковная жизнь, все традиции и устои памятью о смерти – ведь только через нее мы надеемся жить, только через участие в смерти Бога можно спастись. Этот факт явлен в жизни христиан во всех возможных аспектах и проявлениях. Умереть для греха, умертвить плоть, ветхого человека, погубить душу ради Христа: ведь кто не погубит – не спасется (см. Лк. 9, 24). Эти аскетические истины согласны с некоторым глубоким принципом, что ничего не бывает серьезным, если оно не соотносимо со смертью. Сильна как смерть любовь, – говорит премудрый Соломон. Только то, что сильно как смерть, что сильнее смерти, может перевернуть мир. Только тогда, когда есть решимость подвизаться даже до смерти, когда человеку дело важнее, чем его жизнь, только тогда оно приобретает настоящую силу. Даже один становится в поле воином.

Спасает других только тот, для кого собственная жизнь дешевле жизнью других. Но даже и в отрицательных примерах видна сила: террорист-смертник, решившийся на «дело» без надежды остаться в живых, представляет опасность не только для отдельных людей и городов, но и для целых государств, он сильнее армий и спецслужб, потому что готов умереть. Но еще отчетливее тема смерти, участия в смерти Христовой звучит в таинствах Церкви. Мы крестимся в смерть Иисуса Христа и погребаемся с Ним крещением в смерть. Смерть Господню возвещаем мы в Евхаристии. Монашеский постриг – это похороны того, кто был, больше этого человека уже нет, как нет ни имущества его, ни облика, ни имени, ни воли.

Кода. Бегство от смерти

На фоне такой сосредоточенности христиан на теме смерти бросается в глаза бегство от смерти людей мира, стремление вынести само понятие об окончании земного пути за пределы сознания: о смерти неприлично говорить, даже упоминания о возрасте становятся дурным тоном. Продолжить жизнь, продолжить молодость без всяких ограничений и мер – эта мысль настолько завладевает *homo sapiens*, что в погоне за миражом вечного земного существования, вечной молодости уходят все силы и вся жизнь.

Но смерть никуда не уходит – такими уловками никого не обманешь! – по закону символического обмена смерть, изгнанная из сознания горожан, незаметно возвращается; больше того, теперь она пропитывает весь окружающий мир, весь обиход несчастного общества. Только это уже не смерть-жертва, не смерть-жатва и приобретение, а страшная неумирающая смерть, вечно живая: думали, что продлевают жизнь, а продлили смерть. Вынесли кладбища из городов, чтобы ничто не напоминало о конце, – и сами жилища, городские дома стали похожи на гробы, а города – на пустыни. В борьбе со старением люди красят и изменяют свое тело – и уже при жизни напоминают мертвецов.

Потому что мертвость – это не обязательно неподвижность и холод. Мертвость – это прежде всего несоответствие, недостаточность того, что есть, по сравнению с тем, чем был, чем мог быть и чем имеешь вид быть. Чучело птицы или манекен, искусственные цветы или фальшивая улыбка – они одинаково мертвы, они не то, что должны быть, они обман. Такая смерть – это ложь, ведь во лжи всегда таится гибель. Истинная же смерть – это правда, правда о человеке, которую исполнил Христос, исполняющий всякую правду: человек смертен. Так

что есть две смерти: смерть-правда, если со Христом, Который истина и жизнь, и смерть-ложь, если с Дьяволом, который отец лжи. Каждый выбирает свою собственную смерть.

Опубликовано в студенческом журнале «Встреча», № 2 (25), 2007 г.

Протоиерей Алексей Уминский

Как понять смерть?

Встреча со смертью

Очевидного, болезненного столкновения в детстве не помню. Неясно вспоминаются какие-то крышки гроба, стоящие в подъезде, люди, обзванивающие квартиры, чтобы собрать деньги на похороны. Но это просто бытовой фон, просто часть жизни, смерти в ней как таковой для меня не было.

Не было ее и в детских походах с бабушкой на кладбище. Старые русские кладбища казались мне особыми маленькими городками, завораживающими и таинственными...

Помню старые заброшенные смиренные русские кладбища, куда мы заходили во время нашего дачного отдыха, там росла какая-то очень крупная земляника. Я все время пытался собрать ее с могил, а мне бабушка, совершенно неверующий человек, говорила, что это грех. Я чувствовал, что эти особые «городки» отличаются от иного пространства бытия, но понять почему – не мог. Да и не задумывался над этим всерьез.

Очень смутно помню, как хоронили каких-то птенцов в коробочках, кошку. Но опять-таки это была скорее ритуальная игра, чем переживание смерти.

Видимо, никаких ярких, серьезных, переворачивающих жизнь обстоятельств не было. Дедушка мой по отцовской линии умер очень рано, когда мне было года два, я даже не зафиксировал момент его ухода. Когда стали умирать бабушки и дедушки позже, я уже был вполне взрослый человек для того, чтобы по-другому воспринять смерть.

А в сознательном детстве, видимо, утраты не касались родителей, и я не видел их переживаний смерти. Никто из их близких друзей не умирал, все как-то были здоровы и живы. В этом смысле у меня было безоблачное детство: меня не коснулось знание о смерти.

Присутствие смерти, причем насильственной, в окружающем пространстве я как-то особенно ощутил, когда в самом начале девяностых стал настоятелем Успенского собора в Кашире. Часто приходилось отпевать молодых людей, умерших или из-за пьянства, или погибших в драке, тоже по пьяному делу.

Когда моя супруга гуляла с маленькими детишками по Кашире, ее сопровождали наши прихожанки. Они все время рассказывали, показывая на дома вокруг: «Вот здесь муж жену зарезал. А здесь сын у тети Гали повесился. Здесь муж жену до смерти забил».

Мой дед был очень пожилым человеком, он мучительно умирал от рака в начале восьмидесятых. Но его смерть была понятной.

Дед, партийный человек, из прокурорских работников, в сталинские времена работал в системе НКВД, был ревизором лагерей. Когда узнал, что я верующий, топал ногами, всячески меня осуждал. Его болезненно поразило, что его внук в советской стране может быть верующим человеком.

Он буквально умер у меня на руках. В день, когда ему стало совсем плохо, нам позвонили, мы жили недалеко и сразу же с отцом прибежали. Дед уже мучился в агонии, и шептал только одно слово: «Господи, Господи, Господи!» Отошел прямо на наших глазах. Мы не знали на самом деле, что делать, но вдруг как-то нам в голову пришла мысль, что надо деда омыть. Что мы и сделали до приезда «скорой». Как-то мне было спокойно в этот момент, что дед умер у меня на руках, что как-то я для него послужил. Я даже не знал, что делать дальше, поэтому

после того, как приехала «скорая помощь», и деда увезли, отправился к друзьям-католикам в костел: был канун католического Рождества.

По-настоящему меня поразила смерть моего друга по институту. Причем это уже было после того, как мы окончили институт. Саша был смешным чудачком-неудачником из обычной, абсолютно советской семьи, в огромных очках, у которого все из рук падало, но был он очень интересным, открытым, по-детски наивным человеком. Все над ним, естественно, смеялись. Он очень переживал свою несуразность, свое несоответствие каким-то своим внутренним представлениям, переживал, что он не нравится девушкам.

И вот он покончил с собой. Его нашли зимой недалеко от железнодорожных путей в Мытищах, где он жил.

Вот тогда я почувствовал весь ужас беспроглядной, ничем не кончающейся смерти, безысходной, перед которой непонятно, что делать. Смерти, нагло ворвавшейся в пространство жизни. До сих пор помню чувство беспомощности и ужаса от того, что ничего не сделать. Прекрасный Сашка был некрещеный, самоубийца. Полная победа смерти.

Я до сих пор об этом вспоминаю как об одном из самых ужасных дней своей жизни. Еще эти страшные дикие поминки, когда нечего сказать, когда все мнутя и понимают, что, в общем, не может быть от этих слов никакого утешения, и единственное, что можно сделать, – это как можно сильнее напиться и расползтись по домам, чтобы больше об этом не вспоминать.

Это был настоящий триумф смерти, перед которой все оказались беспомощными: и мать, и друзья, которые несколько лет не виделись друг с другом и вдруг встретились на этих страшных подмосковных похоронах под низким тяжелым небом, на фоне серо-грязной зимы. Тогда я впервые по-настоящему испытал смерть как непоправимый ужас. Меня до сих пор сопровождает это глубокое чувство пронзительной жалости и бессилия.

Советская смерть

Советская смерть – это кошмар. Это ужас. И все эти дикие изобретения людей вроде поминок в такой ситуации, когда людям нечего сказать, когда все вымучивают из себя какие-то дежурные фразы, когда каждый должен произнести: «Пусть ему что-то будет пухом». Притом в это почти никто не верит. Как не верят и в это: «Он сейчас нас видит, он сейчас с нами, ему там будет хорошо». Присутствие лжи в момент смерти – это невыносимо...

И все советские традиции, связанные со смертью, – возрождение такого пещерного архетипа человека: крышку гроба в дом не заносить, табуретки перевернуть, зеркало завесить. Рюмку с водкой поставить рядом. Советская традиция тут пошла еще дальше, и содержимое рюмки стало выливаться на могилу после погребения. Или кто-то закуривал сигарету, а потом ее вставлял в могилу. А сейчас кладут в гроб мобильный телефон. И если батарейка еще не села, бывает, механически приходит пустая эсэмэска, и человек, получивший ее, радуется: «сообщение „оттуда“».

В общем, люди напридумывали себе какое-то продолжение жизни, поскольку не могут согласиться со смертью.

И у древних египтян отношение к смерти было значительно более адекватным, нежели у советского человека, которого лишили права на бессмертие, права на вечную жизнь. А он все равно пытается прорваться хоть через какое-то пещерное, совершенно языческое понимание: все равно там что-то есть.

Что такое «память смертная»?

Память смертная – это особенное чувство. Человек не может помнить о смерти, это неестественно для него. Знать о смерти человек не может, потому что он не имеет этого опыта.

По крайней мере, мы понимаем, что такое болезнь, к болезни мы можем готовиться, можем ее лечить. У нас есть опыт болезни, опыта смерти у нас нет.

Это еще связано с тем, что человек не предназначен для смерти, не задуман для нее. Это одно из доказательств, может быть, бессмертия нашей души – то, что мы не можем представить себя мертвыми. Можем, конечно, как-то по-детски говорить: «Как я буду лежать в гробу». Но все равно это будет по-игрушечному для живого человека. Реально он не может представить себя мертвым, не может описать смерть, описать, как он не будет жить.

Для того чтобы понимать, что такое смерть, человеку необыкновенно важно знать, что такое жизнь. Часто есть лишь имитация жизни. Человек во многом имитирует свое бытие и думает, что он живет, что он чувствует, что он каким-то образом устраивает свою жизнь. А на самом деле ровно ничего не происходит, кроме той самой имитации: имитации отношений, мыслей, деятельности, творчества. Поэтому человек часто не очень понимает, что такое жизнь. Особенно современный человек.

Древний, средневековый человек очень хорошо это понимал, потому что жизнь у него была абсолютно конкретно обозначена. Он жил всегда за чем-то, для чего-то. Какой-то простой смысл жизни для него присутствовал всегда. Человек как религиозное существо даже в своем самом примитивном бытии все равно существует осмысленно. Его связь с иным бытием очевидна. А раз у тебя есть связь с инобытием, значит, ты через это инобытие можешь осмысливать свое бытие. То есть тогда, так или иначе, человек существовал в категориях смысла.

Чем меньше человек связан с иным бытием, тем меньше у него экзистенциального принятия жизни. Появляется имитация.

Имитация жизни

Существо, ходящее на двух ногах и говорящее по-человечески, может быть и не человеком (в том высоком смысле, каким его задумал Бог). Например, это – высокотехнологическое человекообразное существо, как многие сейчас. Осознание себя в человечестве не происходит. Человек думает, что он любит, а на самом деле он не любит, у него просто такие инстинкты. Человеку кажется, что он становится родителем, а на самом деле он никаким родителем не становится, потому что в данном случае он исполняет некую функцию. Человеку кажется, что у него есть папа с мамой, а на самом деле никаких папы с мамой у него нет.

Если он столкнется со смертью людей, которые были названы его родителями, но по существу они ими так и не стали, то он и смерть их пережить по-настоящему не сможет.

Потеряны все связи, в том числе между людьми. Лишь присутствуют связи между существами, которые выглядят как люди, поступают как люди, действуют как люди, одеваются как люди, заключают какие-то союзы, исполняют законы как люди, но внутренняя сущностная острота этих вещей потеряна.

Раз она потеряна, значит, потеряна некая настоящая связь с жизнью, с бытийностью. Прежде всего потеряна связь со смертью. Потому что жизни почти нет, если она не осмысливается в категориях смерти, и здесь мы говорим о памяти смертной («Помни день последний и вовеки не согрешишь», – учат нас святые отцы или, как говорил прп. Антоний Великий, «Смерть для людей, которые понимают ее, есть бессмертие, а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а бояться надо погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души»).

Просто переворачивается некая страничка и ластиком вымарывается какое-то имя или какой-то человек, который был до этого. Все, был, и его нет. Нет его в тебе, нет в твоём бытии. Поэтому такие понятия, как «вечная память», «вечный покой» – и все, что связано с вечностью, – перестают существовать. Раз нет вечности, значит, нет бытийности, значит, нет вообще ничего.

Когда нет этого бытийного смысла, тогда с умирающими вообще никаких проблем. Тогда выходит на главный план то понимание, которое не побоялся озвучить Александр Никонов, председатель Атеистического общества Москвы, писатель. Это абсолютно правильная, честная, дикая, конечно, но с точки зрения потери бытийности абсолютно правильная позиция – если есть те люди, которые скоро умрут, значит, пусть себе умирают. Нежизнеспособных следует просто убивать, чего с ними возиться.

Если жизнь – только биология, то тогда нет понятия смерти.

В природе нет смерти в том смысле, в котором она есть для человека. Смерть в природе не трагична. Иначе бы получалось, что мы только и питаемся смертью – от куска баранины в борще до сорванного помидора. Но все-таки смерть – это не про помидоры, это про нас...

Биологическая смерть бессмысленна сама по себе, но не трагична. В нас ежесекундно умирают клетки, и ничего. Как и во всей природе – что-то умерло, что-то родилось. Одна травинка засохла, другая – выросла. Но мы же не травинки...

Человек боится смерти...

Он не знает, что такое жизнь, поэтому и боится смерти. Наша жизнь, даже для нас самих, сверхбиологична. Мы друг друга видим в физиологическом и биологическом смысле и все время скатывается к своему животному-биологическому состоянию.

Но жизнь – это Бог. И мы понимаем, что у нас, кроме биологии, есть еще какие-то моменты, которые вдруг заставляют думать, у нас начинает болеть внутри, и не органы, а что-то неосязаемое, мы начинаем страдать. И вот это и есть, собственно говоря, человеческое, называемое чувствами, которые отличаются от рефлексов и инстинктов. Настоящие чувства человек может осмысливать как свою связь с бессмертной Божественной сущностью. Да они и есть проявление бессмертной человеческой души, суть жизни в нас. Ведь жизнь проявляет себя в нас через боль, через страдание, через радость, любовь, счастье, через что угодно, но не через вкусную котлету.

Такой жизни не так много. Человек все время пытается уйти из своей бытийности в некую скорлупу, которая дает ему возможность спокойно биологически существовать. Он наращивает над своим сердцем кожаные одежды, в которые были одеты Адам и Ева после грехопадения, костенеет. Потому что постоянно чувствовать, постоянно жить – тяжело, это требует серьезного напряжения, от которого легко устать. Отсюда – желание спрятаться, расслабиться: «Хватит меня трогать, дайте мне возможность в трусах и с бутылкой пива посидеть перед сериалом».

От жизни, которая требует острого восприятия, чувствования, нередко болезненного, уводят и депрессии. Вот почему сегодня они так распространены.

Люди боятся жить, боятся остаться беззащитными. Но только столкнувшись с жизнью, человек потихонечку начинает учиться понимать, что такое смерть. В этом контексте смерть – это и есть телевизор с бутылкой пива, нечувствие, нежизнь. Смерть – это нежизнь.

А нежизнь у нас повсюду. Люди встречаются друг с другом после работы, и им нечего друг другу сказать. Человек обращается к другому с просьбой, и тот не хочет ее слышать – это нежизнь. Дети не слушают, не слышат своих родителей и не хотят этого делать – это нежизнь. Родители кричат на своих детей и хотят их в клочья порвать, если что не так, – это нежизнь.

Какой смерти мы можем бояться, если кругом у нас нежизнь? Если жить не научились? За что тогда цепляется человек жадно, когда он боится умереть? Что тогда для него смерть? Он ощущает ужас и отчаяние, потому что он не знает, что такое жизнь. Он, собственно говоря, боится умереть по одной простой причине – никогда не жил, он не знает, что такое жизнь, поэтому очень боится умереть.

И «память смертная» может быть понята только в контекстах, что такое «нежизнь» и «что такое жизнь». Потому что память смертная учит человека жить, полноценно проживать каждую минуту своей жизни, не выпадать из бытия, не искать возможности спрятаться в какую-нибудь нору, заполнить в какое-то пространство, где нет жизни, но где ему хорошо.

У французского писателя Мишеля Турнье есть произведение «Пятница, или Тихоокеанский лимб», в основе которого – сюжет о приключениях Робинзона, где мы встречаем потрясающий образ нежизни.

Робинзон, который осознает, что ему надо жить и каждый день осмысливать это бытие, вдруг понимает, что жить он не может, а каждый текущий день нужно как-то провести. Тогда он находит болото с теплой жижей, погружается в него и проводит там почти все время, впадая почти в анабиоз. Потом он все-таки заставляет себя спастись. Примерно то же происходит с человеком, который ищет способа, как бы ему не жить.

Для нас вопрос жизни – как не испугаться вырваться из этого уютного, смердящего, такого теплого и такого комфортного болота. Но говорить о смерти, когда нет жизни, абсолютно бесполезно...

С взрослым человеком стоит говорить о смерти только тогда, когда он поймет, что он еще не жил, и решит начать жить.

Дети очень живы. Они не прячутся от жизни. С ними можно говорить о смерти, исходя из их опыта. Им все легко объяснить. Если, конечно, не случается трагедии и умирает не птичка или даже какой-то посторонний человек, а кто-то из близких родственников.

Тогда здесь нужно говорить в контексте Вечной жизни. Но и это ребенку понятно, потому что он живет каждую минуту и способен почувствовать: «Раз я живу каждую минуту, значит, ушедшая бабушка тоже сейчас где-то живет, только в другом месте». Потому что смерти для ребенка, по-настоящему живого, нет. И просто бабушка сейчас умерла и переселилась в новую жизнь. Все, ответ получен.

А вот эти поминки, вот эти ужасные вещи с черными платочками, с воем и рыданиями, причем специально заводимыми у гробов, – это, конечно, детям показывать нельзя.

Для всех смерть страшна. Страшно разлучаться с самим собой, а ведь смерть – прежде всего это и есть.

Конечно, я тоже боюсь смерти. Кто же не боится? Я боюсь ее утробно, как ее боится любой человек, как ее боится любое живое существо. Кролик, и тот смерти боится, понимаете. Потому что это – смерть.

Достойный и недостойный уход...

Христианская смерть – непостыдная и мирная, с полным принятием. А вот когда человек умирает в злобе – это, конечно, очень страшно. Когда человек умирает, никого не простив, – это бесконечно страшно. Только от одной мысли ужас берет, что можно умереть без прощения, в злобе.

Я не говорю без покаяния, потому что со многими людьми покаяние происходит постоянно в течение их жизни. Даже с не очень верующими: они могут всю свою жизнь сожалеть о каких-то своих поступках, о каких-то своих словах. И даже если они ни разу не были на исповеди как на церковном таинстве, это не может не быть принято Богом как внутренний плач о самих себе, как раскаяние.

Как говорить с теми, кто потерял близкого?

Никак. Я не знаю, я молчу с чужими людьми. Что тут скажешь? Все, что ни скажешь, будет ложь вроде «мне так жаль». Если ты можешь сопереживать, то сопереживай. Тогда просто можно человека коснуться, вот и все. И вздохнуть рядом с ним. Если нечего сказать, лучше не говорить.

Беседовала Тамара Амелина

Как жить в мире, если есть смерть?

– Как человеку жить, если он знает, что есть смерть? Знает, что он сам, его близкие и дорогие однажды умрут? Причем произойти это может в любой момент...

– Человек умрет – это единственное, что он знает о себе с абсолютной достоверностью. Но почему-то такое знание не становится главной мыслью его жизни. Если мы начнем вспоминать, как часто думаем, что умрем, окажется, что не каждый день и, может быть, не каждую неделю. Даже несмотря на то, что, начиная смотреть новости по интернету, по телевизору, мы прежде всего встречаемся с сообщениями о гибели людей, о пострадавших, о катастрофах, о войнах, об обстрелах, о бомбардировках, о крушениях самолетов. Человек инстинктивно, ужасаясь этим новостям, переживает немного другое: «Это не я, это не со мной, меня там не было, я живу. И мои близкие люди – живут».

Сложно приучить себя к памяти о том, что ты обязательно умрешь и что это может случиться с тобой и с твоими близкими в любой момент. Это очень, очень тяжелая и практически невыносимая для человека мысль. Человек не может ее анализировать, если за ней нет веры. Причем серьезной веры, подтвержденной жизненным опытом о том, что смерти не существует, что есть Вечная Жизнь, в которой – Бог.

Пока человек этого опыта в своей жизни не имеет, он не способен всерьез думать о смерти. Он может ее переживать только виртуально, только сублимируя чужую смерть в новостях и в фильмах с большим количеством выстрелов, взрывов. Поскольку человек не в состоянии понимать смерть как начало, а не как конец всего, то соответственно в его жизни ее нет, она реально не присутствует. Поэтому он к ней всегда не готов. Когда смерть случается с близкими, проникает в окружение этого человека, он оказывается абсолютно потеряннным и обезоруженным ей. Он не в состоянии никак этого объяснить, преодолеть.

Тем более в нашей сегодняшней реальности, в мире, потерявшем ориентиры: и родовые, и семейные, когда отношения между людьми складываются странным и болезненным образом.

Когда смерть приходит в такой мир, и так не очень живой, не очень оживленный смыслом, любовью, чувствами, она может совершенно деморализовать человека. Тогда он от нее настолько отстраняется, что просто не чувствует. То есть выключает себя, как мы выключаем холодильник перед тем, как уехать на дачу.

Люди привыкли отключать свои чувства в моменты колоссальных трагедий. Вот, например: идет сейчас страшная война на Украине, а для того, чтобы как-то принять реальность, надо просто себя выключить, как будто ее нет. То есть она есть, но человек выключился и не переживает. Потом, когда все закончится, он планирует вновь включить себя.

– Если у человека не получается «отключиться», если он остро воспринимает, что вот так же могут погибнуть его близкие?

– Тогда смерть начинает человека выедать и пожирать, как опухоль. Он сам, будучи живым, настолько этой смертью побежден, обессилен, что он ничего уже не может. Еще раз повторю: принять смерть по-настоящему способен только тот, кто знает, что ее нет, у кого есть личный опыт веры, настоящей, живой, не надуманной, не иллюзорной, не бытовой или фантастической. Тогда он в состоянии думать о возможности своей собственной смерти как о ситуации, которая дает ему возможность смотреть на мир, на своих близких совсем другими глазами. Он сможет оживать свою любовь к ним, осознавая, что сегодняшний день, день ошибок или, наоборот, покаяния, когда еще есть возможность любить здесь, – самый главный день его жизни. Это и есть жизнь, наполненная смыслом. Именно об этом так пронзительно рассказал митрополит Антоний Сурожский, вспоминая, как умирала его мать в течение длительного времени, но все знали, что это может случиться в любой момент. Как говорил владыка Антоний, не было более счастливого времени, чем то, когда он находился со своей умирающей

матерью: каждый день их встречи был днем, наполненным любовью, потому что он мог стать последним днем.

Когда святые отцы говорят о памяти смертной, они имеют в виду именно это – любовь, которая дает человеку возможность жить по-настоящему. Жизнь, такая хрупкая и такая маленькая, дается нам для того, чтобы мы себя сумели реализовать. За сколько – за десять, двадцать, сорок, сто лет или за совсем короткий срок, – мы не знаем.

«И одного дня довольно человеку, чтобы все счастье узнать», – говорил умирающий Маркел, брат будущего старца Зосимы в романе Достоевского «Братья Карамазовы».

Но люди потому несчастны, потому скучны, живут бессмысленно, что ничего не знают о смерти. Когда она приходит, им либо приходится выключать себя от непонимания, как ее переживать, либо превращать ее в сказку, в миф, в ритуал, в определенный заговор, когда можно от смерти отгородиться глупыми, нелепыми словами: «Все ТАМ будем», «он нас оттуда видит», «да будет земля ему пухом». Для верности – вылить рюмку водки на могилу умершего: пусть он вместе с нами выпьет; сунуть в могилу сигарету: пусть он вместе с нами покурит; положить мобильный телефон и так далее. То есть имитировать жизнь.

А можно жить по-настоящему.

Совсем недавно одиннадцатилетняя девочка из Средней Азии, уже в тяжелом состоянии, решила принять крещение. А потом ее мать захотела со мной встретиться и поговорить. Об этом мне сказали позавчера. Сегодня позвонили из хосписа и сказали, что девочка умерла. До ее ухода с мамой я не успел поговорить, поеду завтра. То есть настолько все быстро, настолько все рядом с нами, настолько реально, по-настоящему и серьезно... Если же хочется уйти от подобного, тогда появляется чувство: «это только в кино, и меня это не может коснуться. А если меня это коснется, я буду от этой мысли убежать, прятаться, заговаривать себя».

Отсутствие пустоты

– *Смерть нередко является испытанием веры. Ведь трудно принять, что жил человек, «такой живой и настоящий на ласковой земле», а теперь вместо него – пустота...*

– Неправда. Такого не может быть. Смерть христианина никогда не пустота. Это, наоборот присутствие. Как раз часто настоящая вера начинается в тот самый момент, когда смерть вдруг ощущается людьми как присутствие, а не как пустота.

Потому не могу сказать, что смерть – испытание веры. Мне кажется, что она – утверждение веры. Смерть – одно из ключевых слов для христиан. Жизнь христианина начинается с того, что мы там крестимся во Христа, в Его смерть. Смерть – открытая дверь, вход в реальность, невидимую, но явно осязаемую, которая может так наполнить человека, что ему не надо никаких слов.

Смерть – это всегда открытость. Смерть – это всегда то, что пробивает бетон. Другое дело, что человеку страшно от этого. Он может испугаться этого присутствия и отгородиться от него.

– *Но все-таки человек уходит и здесь, в реальном, вечном мире, где есть солнце, небо, запахи, – его уже нет. Хотя совсем недавно был, смотрел с нами на солнце, на небо, ощущал запахи...*

– Как же это – нет? Вот, например, уехал ваш муж в командировку. Он есть или его нет? Конечно, есть, и каким-то образом – отзовется. Например, позвонит. Но возможность позвонить почти из любой точки планеты появилась лет пятнадцать назад. А если нет возможности? Неужели, если человек не присутствует рядом, он нереален?

– *Тяжело принять, что «командировка» – навсегда.*

– Эти слова «навсегда», «ничего нет», «пустота», их кто придумал, почему они стали существовать в описании Жизни после смерти? Почему эти слова появились как термины,

абсолютно доказывающие что-то, что сам человек не видит? Но мы Бога не видим и позвонить Ему не можем. Но почему тогда присутствие Бога в нашей жизни доказывать не надо? Как и присутствие Ангела Хранителя?

Или мы не верим в это, а живем придуманными историями, которые нам легко принять, постольку-поскольку нас это не касается. А как только нас это коснулось, то весь этот мир бумажных иконочек рухнул, и за ним тогда точно ничего нет.

Если же есть, тогда «пустота», «провалы» – это придумано. Ведь присутствует Бог в твоей жизни.

Ему не надо звонить. Я с Ним могу разговаривать и так. Я живу в Его присутствии.

То же самое я нахожусь сейчас здесь, а моя жена – в трех тысячах километрах от меня на море. Но она живет в моем присутствии, а я живу в ее присутствии. Конечно же, разлучение в видимом мире несопоставимо с разлучением – в мир духовный. Потому что он не познаваем, очень сложен, пугающ, мы плохо его знаем.

– *Что сделать, чтобы этот духовный мир стал реальным, чтобы не бояться его?*

– Трудно сказать, что для этого делать. Что смог сделать преподобный Серафим Саровский, после чего для него этот мир стал осязательным и реальным?

По большому счету, как мы верим, так и относимся к смерти, так она и касается нас. Смерть, конечно, ужасная вещь. Это страшный меч, рассекающий человека. Невероятная ситуация, которая в этом болезненном мире все переворачивает, ее не должно было бы быть.

Но так как она есть, она преображена, Бог ее использует уже по-другому. Во благо. Страшная болезнь, страшная смерть, обманутая Богом через боль, через рану, достигает Жизни.

Если этого не знать, то жить очень скучно, незачем.

Вопросы к Богу

– *Можно ли говорить, что есть воля Бога на смерть или смерть во благо, или Бог дал, Бог взял?*

– Нет воли Божьей на смерть, потому что Бог не создавал смерть.

– *Как же тогда: «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 30), то есть речь о том, что без воли Отца ничего не случится? Как принять это?*

– Потому что Бог вошел в эту смерть Своею волей. Да, видимо, наши дни как-то сочтены. О каждом из нас есть Промысел Божий. О каждом из нас есть Его смотрение. И кому-то дни продлены, у кого-то они укорочены. Это очевидно. Кто-то умирает, если можно так сказать, доброй смертью. А кого-то смерть пожирает страшным и непостижимым, ужасным образом. Совсем недавно погибли наши прихожане во время пожара – отец и маленькая 11-летняя девочка, его дочка...

– *Почему так происходит? Почему умирают, причем страшно, маленькие дети?*

– Не знаю. Много вопросов к Богу, в том числе у меня. И их надо честно Ему задавать. Это нормально.

Человек может говорить: «Бог дал – Бог взял», не потому, что ему все равно, а потому, что он очень доверяет Богу и понимает: если впустить Бога в пространство своей жизни, в пространство своего счастья, в пространство радости и беды, то Бог справится со всем. Значит, и человек справится со всем.

Это вопрос доверия. Но он не в том, что тебе ответили на вопросы и ты сказал: ага, понятно. Бог совсем не обязан отвечать на наши вопросы. Он постоянно подтверждает человеку, что Он есть Любовь. А как Он это делает – тайна, в которой Он существует.

– *Тогда появляется еще вопрос: как же Он подтверждает, что Он есть Любовь, если дети умирают, идут войны и так далее?*

– Про то и разговор. Нам кажется, что Бог должен подтверждать, постоянно оправдываясь перед нами за те несчастья, которые происходят в мире. А Он это подтверждает Своим личностным присутствием в каждой ситуации, в которой находится человек. Потому что там, где находится человек, там рядом с ним Бог.

А зло в мире, войны и прочее – не Бог устроил.

Царство необделенных

– *Нам здесь даны какие-то таланты, мы пишем картины, строим дома и так далее, а еще нам доставляют радость произведения искусства, книги. И все это будет потом не нужным, бессмысленным?*

– Представления не имею. Просто не думаю, что Царствие Небесное – это Царство обделенных, чего-то не имеющих людей. Я думаю, что как раз там – полнота во всем. Каким образом она реализуется, мы не знаем.

– *Самое главное, что здесь мы учимся любить наших близких и Бога. А потом – земные привязанности сохраняются или остается только любовь к Богу?*

– Такого не может быть, потому что заповедь о любви к Богу и человеку дана как вечная заповедь. Если Бог любит человека, то как мы можем не любить его?

Любить – сложное дело. Уж любящие супруги, которые поженились ради любви и детей ради этого родили, в некоторые моменты вдруг с сомнением смотрят на свои чувства и друг на друга. Детей родных любить нелегко. Особенно когда они вырастают. Вообще любить кого-либо очень тяжело, если это не собачка.

А уж Бога тем более тяжело любить. Он не отвечает на вопросы прямым ответом. Он непонятен. Он тебя оставляет, и тебе становится страшно, когда ты не чувствуешь Его присутствия. Он неподкупен, с Ним сложно научиться разговаривать. Проще Его не любить. Проще Ему подчиняться, платить дань, оброк, налог в виде исполнения обязанностей. Так что и учиться любить Бога – это очень непростое дело.

– *Что происходит с Таинством Брака после смерти? Мужчина и женщина соединяют свои жизни, становятся «двое одна плоть» (Быт. 2, 24). Но как будет ТАМ – встретятся, будут вместе, единым целым?*

– Одно целое – это не значит, что люди будут ходить с двумя головами в одном теле. Понятно, что не об этом идет речь. А Таинство Брака, как и Таинство Крещения остается с нами всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.